

В 1977 году читатели газеты «К победе коммунизма» познакомились с молодым поэтом, трагическим спортивным Петром Сухановым. Лиричность, свежесть чувств и мыслей привлекли внимание любителей поэзии. С тех пор в выпусках «Северного огонька» периодически появлялись новые произведения молодого автора. Строже, емче становилась фраза стиха, вышуклее и ярче образы, отточенней мысль, молодой автор обретал свой голос, ко-

горый, естественно вско- ре был услышан за пре- делами Сургута. В этом смысле для Петра Суханова был па- титет 1979 год. Он становится участником Всесоюзного совещания молодых писателей стра- ны, побеждает в конкур- се «Одно стихотворе- ние», объявленного жур- налом ЦК ВЛКСМ «Сме- на», его стихи печатают областные и централь- ные издания, журнал «Дружба». Еще через некоторое время имя Петра Суханова — сре-

ди авторов целого ряда коллективных сборни- ков... Сегодня он — сту- дент литературного ин- ститута имени А. М. Горького в Москве. И все же, несмотря на растущую популярность, Петр Суханов не поры- вает с литературным объединением «Северный огонек», действующим при нашей газете. Кро- ме того, сегодня он явля- ется одним из его руко- водителей.

Читателям, видимо, будет интересно узнать еще об одном событии в эту...

творческой биографии поэта: в свет вышла кни- га Петра Суханова «Время первых призна- ний» (библиотека журна- ла «Молодая гвардия»). Готовится к выходу в свет сборник стихов в Средне-Уральском книж- ном издательстве...

Суханов — по преиму- ществу поэт-лирик. И подборка новых его сти- хов, которые мы пред- ставляем сегодня на суд читателей, подтверждает это. Теперь слово по-

„Я начну все сначала...“

ПЕТР СУХАНОВ

Ничего
Не пропало,
Не ушло за черту!..
Я начну все сначала,
Много книжек прочту.
Заживу
Без испуга.
Раскидаю долги.
Заведу себе друга —
Надоела
Враги.
Доберусь
до удачи,
До мечты дотянусь
А иначе...
Иначе —
Не приду. Не вернусь.
Не дарю
Всепрошенья.
Не скрываю своих слез...
Дай мне только
терпенья —
Чтобы все утряслось!..

Душе и сердцу вопреки,
Ты требуешь
Смирения
В угоду
Тяжелой, неожиданной
тески...
Обескураженная
памятью,
Упрямо
Не признавая прав
моих и сил,
Ты говоришь доходчиво
и прямо,
Что я всю жизнь
неправильно любил...
Все
Может быть...
Но, мучаясь без толку,
Я не пытался сделаться
другим...
И потому
Был счастлив ненадолго,
И потому
Был искренне любим.

И женщина, похожая на
вдох,
Мне говорила что-то
о простуде,
Но я уже поверить ей
не мог...
Не смотри на меня
так сурово,
Не желай мне беды,
как врагу...
Понимаю тебя с
полуслова,
А себя вот понять
не могу!..
Оттого и печалюсь все
чаще,
Словно путник,
попавший в грозу,
Что надеюсь как будто
на счастье,
А тебе только горе несусь.
Этой правды
Я прежде не видел.
Этих чувств
Никогда бы не знал,
Если б только себя
ненавидел,
Если б только тебя
целовал!

Мой дремлющий ум,
Могучие мечутся волны,
И по миру мчится их
шум,

Удар за ударом —
Все ближе
Тяжелый и яростный
вал..

И снова
Я жизнь ненавижу
За то, что случаен и
мал.

За то, что в любую
погоду
Ума не могу приложить,
Что жил
Зачастую в угоду,
А мог ведь
Попроше
Пожиты!

А мог ведь
И мысли, и силы
Сберечь для родных и
друзей!..
Конечно же, море
Красиво.

Но жизнь —
Все равно красивой.

На Черном — шторм.
Все море — кверху
дном.
Но я здесь праздный
путник —

И не боле.
Я больше уважаю поле.
Там есть цветы.
И много птиц кругом.

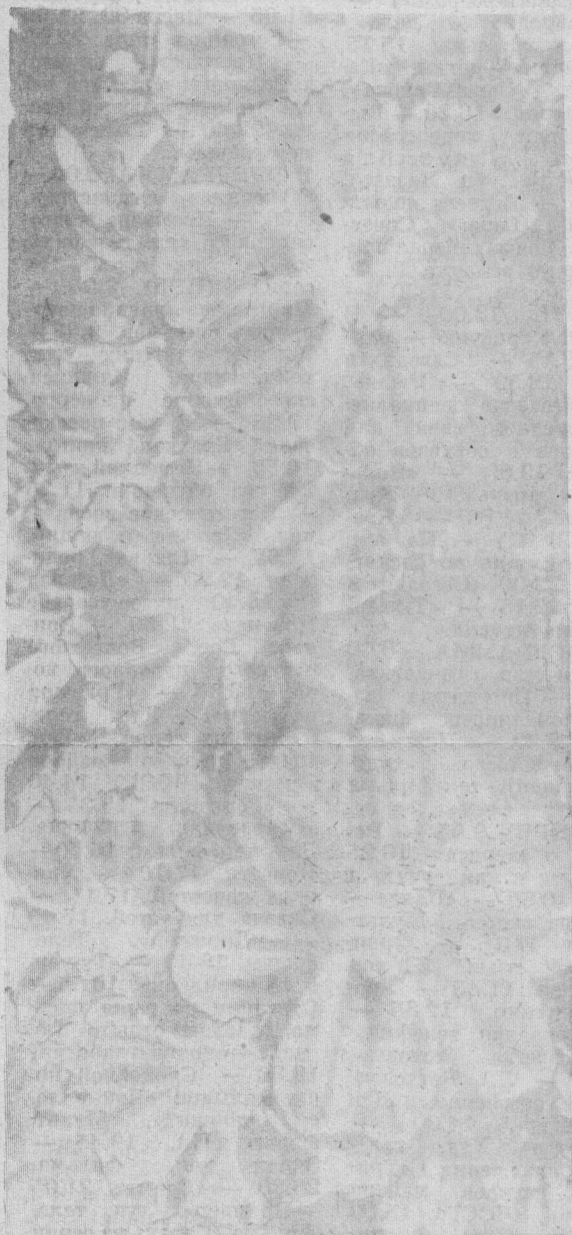
На Черном — шторм,
Огромны и круглы,
Взбивая пену страшную
по краю,

Легко,
Как будто бы играя,
Идут неукротимые валы.
За валом — вал!..
Прибрежная гряда
Века

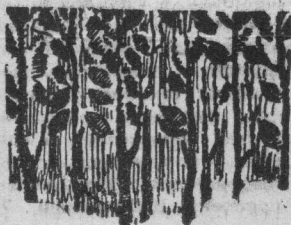
Скрипит под тяжестью
и страхом.
И между богом и
аллахом

Здесь
Бесконечно царствует
вода...

АВГУСТ

Фотохудожник Е. Чупракова.

Глухая осень.
Всюду все раскисло.
Перевелись, охрипли
соловьи...
Брожу в лесу — без
умысла и смысла.
И не желаю думать
о любви.
Пусть все как есть!
Обиды и участия,
Бессмысленные ссоры
За права...
Пусть будет так —
На то оно и счастье,
Чтобы кружилась вечно
голова!..

Как тихо здесь...
И холодно. И росно.
И кажется, куда ни
повернешь —
Все будет так же
искренне и просто.
Как эта осень мездряя
И дождь...
И я иду
Почти что безнадежно...
И я живу почти что
не дыша —
Пока терпеть
и чувствовать
возможно,
Пока
При теле
Здравствует душа.

Я в этом мире был
Лишь постояльцем...
Любил, как мог,
И верил, как умел,
Не обладая славой и
нахальством,
Не замечая счастья
Между дел.

Опять
Тебе не нравится погода.
Опять.

Подан
Поезд. Вагон. Купе...
Неизвестно кому —
куда...
Я давно надоел тебе
И уже не приеду сюда.
Город
Вытянется окрест.
Много будет счастливых
в нем...
В этом поезде столько
мест,
Словно это не поезд,
а дом...
Бесконечно —
И день, и ночь
В этом доме полно
гостей.
Вот и я проехать
не прочь
По земле
Одинокой
Моей.
Скоро
Вспыхнет зеленый свет.
Вскрикает резкая грусть
в груди...
Удивительно: был —
и нет!

Неужели вся жизнь
Вперед?

...Вот и вчера,
Разбуженный тревогой,
Я среди ночи бросился
к окну.

И над крутой
И нервной
Дорогой
Раздетую
Увидел тишину.

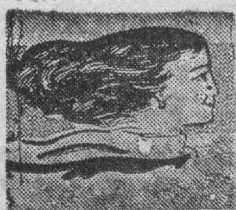
Она рвалась из города
в пространство...
Рассталкивая рельсы в
кресты,
Она срывала скорбные
убранства

С мирской
И надоевшей суеты.
Она кричала, словно
медетрога.

Она звала...
И я метнулся к ней,
Но добежал лишь только
до порога —

И отрезвел от голоса
людей...
«А мы — к тебе», —
Сказали эти люди...

Занавесишь окна тюлем,
Бросишь все дела свои...
На диванчике сутулом
Помечтаем о любви.
Посидим немного рядом,
Как случайные друзья —
С тихой грустью
По утрам,
И с надеждой —
За себя.

Я привык к этой
женщине,

Нервной
И нежной,
Как мы все привыкаем
к обычным вещам, —

Оттого ли, что сам
далеко не безгрешный,
Оттого ли, что мир
разделен пополам...
Мне уже не хватает —
В тоске ль безнадежной,
В одиночестве горьком,
В кругу ли друзей —
Этой женщины гордой...
И все ж безутешной
В суете одинаковых
мыслей и дней...
Вот она предо мною!..

Манеры
Небрежны.
Но красива всегда. И,
конечно, добра...
Я привык к этой
женщине,

Нервной
И нежной,
Беспокойной под вечер
И тихой с утра...

Так вот оно — море!..
Невольно
Встревожив

Подарок — мечта!

На жесткой плацкарт-ной полке лежу с от-крытыми глазами, слу-шаю ритмичный глухой стук колес. Мысли лени-во перекатываются одна за другую, думаю ни о чем. Одолевает тоска. Который день трясут в полупустом вагоне, погов-орить не с кем. Ирна так же бездумно смотрит в потолок на со-седней полке. Читать не-возможно — от посто-янного покачивания в глазах начинается гим-настика ума — быстро утомляют. Чтобы мозг не уставал, его необходимо питать. В который раз мысли возвращаются к одному и тому же. Под ложечкой сильно заняло — с утра ничего не ели. Вздыхаю, перевоорачи-ваюсь на живот, смотрю в окно. Поезд медленно тащится от полустанка к полустанку, останавли-ваясь почти возле каж-дого столба. За окном весело бегут яркие жел-то-зеленые поляны оду-ванчиков, буйные зарос-ли черемухи. Стройные березки любят себя, отражаясь в зер-кальной глади разли-вшихся озер. Даже уны-лые болота оживились — большие черные вороны рывками перелетают с одного дерева на другое. Темная стена тайги за-ставляет очнуться. Успе-ваю подумать, что бе-резки и сосны похожи на стройность. Никогда не видел толстых берез или толстых сосен. Друг захотелось ус-лышать запах роз. Мне иногда дарили розы... да ей, сегодня же мой день рождения! Стукну-ло двадцать! Интересно, который сейчас час? Ага, четыре. Я живу уже час. Страшным ша-потом заклинаю: — Ирна, корми ново-рожденного! Заказываем два чая с сахаром (на большее денег не хватает — сту-денты). С наслаждением вдыхаю запах чая, будто запах роз. Хоро-шо. Ирна сказала: — Я дарю тебе эту тайгу! Тайгу, о которой я давно мечтал, которую сейчас впитываю в себя глазами. Она теперь моя. Я самый богатый чело-век на свете. И самый счастливый.

К. БЕЛЯЕВА.